

Мейстер Экхарт

Духовные
проповеди
и рассуждения

Александрийская библиотека

Александрийская библиотека

Мейстер Экхарт
**Духовные проповеди
и рассуждения**

«Гельветика»

1260–1327

УДК 2
ББК 86.3

Экхарт М.

Духовные проповеди и рассуждения / М. Экхарт — «Гельветика»,
1260–1327 — (Александрийская библиотека)

Настоящее издание – собрание проповедей Мейстера Экхарта (1260–1327), выдающегося немецкого теолога и мистика, одного из самых оригинальных умов Средневековья, стоявшего у истоков немецкой философской традиции.

УДК 2
ББК 86.3

© Экхарт М., 1260–1327
© Гельветика, 1260–1327

Содержание

Предисловие	6
Духовные проповеди	14
О свершении времен	14
О вечном рождении	17
О сокровеннейшей глубине	22
Об исхождении Духа и возвращении его	24
О страдании	26
О единстве вещей	28
О девственной женщине	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мейстер Экхарт

Духовные проповеди и рассуждения

Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы
«Амфора» осуществляет юридическая компания «Усков и Партнеры»

© Светлов Р., предисловие, комментарии, 2008

© Оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2008

Предисловие

«Вот подлинное мгновение вечности: когда душа познает все вещи в Боге такими новыми и свежими и в той же радости, какими я ощущаю их сейчас перед собой».

Эта фраза Мейстера Экхарта проясняет, что такое мистицизм, – причем проясняет самым глубинным и исчерпывающим образом. Мистический интерес базируется не на суеверии или тяге к оккультизму, а на восприятии всего сущего как чуда и сокровенного символа. Ему незнакома усталость сердца – если он не пытается, конечно, заигрывать с обыденным сознанием, ищущим мудрость в болезни и усталости.

Средние века «по определению» богаты на мистиков. Однако Мейстер Экхарт – один из немногих, кто создал такого рода тексты, которые позволяют христианской культуре вступить в диалог с другими конфессиями: искать общее в той сфере, которая обычно представляется интимно замкнутой, – в сфере личностного опыта богопознания.

И дело не только в высочайшей образованности Экхарта и его несомненной способности к спекулятивному мышлению. Не благодаря, а, быть может, вопреки им он смог найти самые простые слова и самые ясные примеры для того, чтобы донести частицу своего опыта до слушателей (а теперь – читателей) и чтобы сделать свои проповеди заданием и загадкой, которую действительно хочется разрешить.

Как любой великий мистик, он знал периоды славы и преследований – причем не только при жизни. Еще в первой четверти XVI столетия некоторые из рассуждений Экхарта были напечатаны вместе с проповедями его знаменитого последователя Иоганна Таулера. Однако после этого европейская культура не проявляла к нашему автору никакого интереса – вплоть до первой половины XIX века, когда немецкий мистик, философ и медик Франц фон Баадер привлек к нему всеобщее внимание. После публикации в 1857 году ряда его сочинений Францем Пфайффером (см. 2-й том «Deutsche Mystiker») Экхарт стал популярной фигурой, однако даже в настоящий момент серьезное исследование его творчества еще остается насущной задачей для ученых.

Мейстер Экхарт родился около 1260 года в Тюрингии, в деревне Хохгейм (и, вероятно, принадлежал к достаточно известному роду Хохгеймов). Достигнув возраста 15–16 лет, он вступает в орден доминиканцев и начинает обучение в Эрфурте, а затем – в доминиканской школе в Страсбурге. Выбор в пользу доминиканцев, а не францисканцев или какого-либо из более древних орденов был вполне объясним. Доминиканцы и францисканцы, чья история насчитывала лишь около полустолетия, были молодыми, очень популярными, «прогрессивными» орденами. Возникшие в разгар борьбы с еретическими движениями (мы имеем в виду так называемые Альбигойские войны на юге Франции), они (особенно доминиканцы) несут определенную вину за превращение инквизиции в рядовое явление последних веков Средневековья¹. Однако внутренняя жизнь орденов вовсе не представляла собой сплошного мракобесия и ретроградства. Широкое распространение еретических движений и необходимость публичного опровержения еретических взглядов, а также стремление французских королей объединить наследие Каролингов при помощи высококвалифицированных чиновников-юристов стали стимулом для развития образованности и бурного роста университетов. Именно на это столетие падает деятельность Альберта Великого, Бонавентуры, Фомы Аквинского, Роджера Бэкона, Дунса Скотта и многих других величайших умов Средневековья. И по преимуществу все эти теологи принадлежали либо к доминиканскому, либо к францисканскому ордену. Таким образом, выбор Экхарта был понятен: вступление в «новый» орден сулило не консер-

¹ Доминиканцы руководили инквизиционными процессами на юге Франции.

вацию, а развитие его духовных сил. Поскольку же в Тюрингии, как и почти во всей Германии, доминиканцы обладали большим авторитетом, чем францисканцы, юноша выбрал их общину.

После Страсбурга подающий надежды молодой человек был отправлен в высшую доминиканскую школу в Кёльне, где было очень сильно влияние идей Альберта Великого (даже в сравнении с «ангельским доктором» Фомой Аквинским). Экхарт быстро шагал по ступеням орденской иерархии. В конце XIII столетия он – приор Эрфурта и викарий доминиканцев Тюрингии.

В 1300–1302 годах Экхарт преподает в Парижском университете, где знакомится с самыми последними «новациями» в богословии. Преподавание идет достаточно успешно: Экхарт получает даже звание магистра; однако подлинная слава ждет его не здесь. По возвращении в Эрфурт Экхарт назначается главой «Саксонской провинции» доминиканского ордена – крупнейшей (по крайней мере территориально) из доминиканских провинций. Под его юрисдикцией оказываются общины от Ла-Манша до современной Латвии и от Северного моря до верхнего течения Рейна. Трудно сказать, покидал ли он Эрфурт, управляя вверенными ему монастырями, несомненно лишь, что проповедническая деятельность Экхарта в этот момент имеет активный характер, – и впервые против него выдвигается обвинение в догматической неточности и ереси «свободного духа». Связано это было с распространением из Брабанта вверх по долине Рейна движения бегинок и беггардов – светских женских (бегинки) и мужских (беггарды) общежительных союзов, члены которых возлагали на себя ряд обетов, собирались для совместных молитв, много работали для общей пользы, помогали в содержании странноприимных домов – однако до минимума сводили свои контакты с официальной Церковью. В них – как и в южнофранцузских вальденсах – нынешние исследователи видят предшественников протестантизма; и действительно, чаще всего «ересь» бегинок и беггардов выражалась всего лишь в отказе почитать церковную иерархию.

В 1215 году на IV Латеранском соборе создание таких общин было запрещено, однако они продолжали существовать; более того, общий язык с бегинками и беггардами находили именно францисканцы и доминиканцы. И «еретики», и братия этих орденов принадлежали к новым явлениям; можно сказать, что это были очень активные, искренне верующие и ищущие люди. Поэтому, обращаясь к подобным аудиториям (а мы знаем, что Экхарт читал проповеди в общинах бегинок), провинциал Саксонский не ограничивал себя традиционными толкованиями отношений между душой и Богом. К тому же многие проповеди он читал на народном немецком языке, еще не выработавшем четкой терминологической системы, а потому достаточно вольно передавал латинские понятия.

В 1306 году Экхарту удастся снять с себя обвинения. Оправдания его были, судя по всему, исчерпывающими, так как он получает должность викария-генерала Богемии, а в 1311 году его отправляют преподавать в Париж.

Впрочем, в столице Капетингов ему снова не удастся задержаться. В следующем, 1312 году освобождается кафедра богословия в Страсбурге, и Экхарта, как знаменитого ученого и проповедника, приглашают занять ее.

Трудно сказать, как долго преподавал Экхарт в Страсбурге. Обычно именно к нашему автору относят одно краткое сообщение об уличении в ереси некоего франкфуртского приора Экхарта. Однако едва ли правильно отождествлять «франкфуртское дело» с Мейстером Экхартом, так как мы знаем, что в середине 20-х годов XIV столетия он благополучно продолжал свою деятельность профессора богословия – теперь в Кёльне.

Правда, в тот момент ситуация стала иной, чем в начале века. После того как собор 1311 года во Вьенне в очередной раз осудил и запретил общины бегинок и беггардов, в прирейнской Германии разворачивается активная деятельность инквизиции. В 1325 году Римскому Папе докладывают о еретических положениях, которые проповедуют доминиканцы Тевтонской провинции. Архиепископ Кёльнский Герман фон Вирнебург начинает преследование Экхарта

(представляя обвинения против него самому Папе Римскому). Вначале Николай Страсбургский, который по поручению Папы осуществлял наблюдение за доминиканскими монастырями в Германии, защитил Экхарта (впрочем, тому было запрещено касаться во время своих проповедей «тонких» вопросов), но тогда архиепископ Кёльнский, при поддержке францисканцев², начал преследование и вольнодумствующего богослова, и папского представителя. 14 января 1327 года открывается процесс против Экхарта.

Дальнейшие события известны нам достаточно точно. 24 января Экхарт отказывается отвечать перед кёльнским инквизиционным судом³. Он собирается предстать в начале мая перед самим Папой, пребывавшим тогда в Авиньоне, и оправдаться по всем пунктам.

Либо здоровье Экхарта, уже пожилого человека, было подорвано, либо ему отсоветовали ехать в Авиньон, однако 13 февраля того же года он обнародовал свою защитительную речь в доминиканской церкви Кёльна (то, что эта речь готовилась для чтения перед Папой, подтверждается тем, что она была написана на латинском языке). В этой «Апологии» он не отказывается от своих слов и идей, но стремится доказать, что был неправильно понят. Вскоре после этого Мейстер Экхарт умирает (видимо, в начале весны того же года).

«Дело Экхарта» завершается лишь спустя два года. Вначале, в 1328 году, на генеральном собрании каноников доминиканского ордена в Тулузе под давлением папского двора принято решение преследовать тех проповедников, которые слишком вольно говорят о «тонких вещах», – что может привести паству к заблуждениям и злу⁴. А 27 марта 1329 года была издана папская булла «На пашне доминиканской», где перечислялись 28 еретических положений Экхарта (некоторые из них и действительно выглядят совсем не «кафолически» – например, тезис о вечности мира), а покойный богослов порицался за них. При этом упоминалась оправдательная речь самого Экхарта – как свидетельство в пользу того, что он сам признал себя неправым.

Что повлияло на творчество Мейстера Экхарта?

Прежде всего нужно помнить, что, несмотря на расцвет Высокой Схоластики, XII–XIV столетия проникнуты мистическим духом. Душа средневекового человека глубоко переживает конечность мира – и ищет бесконечного, причем бесконечного в себе, бесконечности своих скрытых сил. За полтора столетия до Экхарта странный человек по имени Стелла де Эон заявлял перед церковным судом, что в нем обитает сам Высочайший Бог, а посох в его руке содержит в себе все три мира и от того, каким концом этот посох повернут к небу, зависит, какой частью мироздания правит Бог Творец. Этот ересиарх вел себя так, словно он предугадал проповеди Экхарта о душе, добившейся полного обожения и превзошедшей Самого Творца.

Однако вопрос об источниках в нашем случае имеет не только культурологический характер⁵. Корпус немецкоязычных проповедей, часть из которых была переведена в начале нашего столетия М. В. Сабашниковой и которые мы публикуем в этой книге, не представляет собой богословского трактата. Даже на Библию (латинскую «Вульгату») Экхарт ссылается достаточно небрежно, весьма вольно переводя отдельные ее пассажи, еще более небрежно он говорит об авторах, у которых заимствует определенные мысли. Читатель обнаружит, что в половине случаев он даже не называет их по имени, ограничиваясь фразами «богословы пола-

² Интересно, что в прирейнской Германии именно францисканцы были инициаторами многих инквизиционных процессов.

³ По юридическим законам того времени, поскольку вина Экхарта еще не была твердо установлена, инквизиционный суд не мог передать его в руки суда светского: следовательно, наш автор сохранял свободу до своей смерти.

⁴ Имелись в виду Экхарт и его ученики.

⁵ Несомненно, что с «культурологической» точки зрения в сочинениях Мейстера Экхарта мы обнаруживаем тот же древний гностический дух и ту же гностическую схематику, что обеспечивала популярность проповедей богомилов, катаров, альбигойцев еще за несколько десятилетий до рождения нашего автора. С «антропологической» точки зрения Экхарт нащупывает те тонкие струны человеческой природы, к которым обращались гностики типа Валентина или Марка.

гают» или «один древний мудрец говорил»⁶. Мы не ставили перед собой целью критическое издание текстов Экхарта, однако, дабы читатель представлял круг явных и неявных отсылок нашего автора, укажем следующие источники:

Библия.

Мейстер Экхарт ссылается преимущественно на Песнь Песней, Книгу Екклесиаста, Пророков, Евангелия от Иоанна, от Матфея и свод апостольских посланий.

Отцы Церкви и повлиявшие на Экхарта средневековые мыслители:

Дионисий Ареопагит – прежде всего «О Божественных Именах»;
Блаженный Августин – «Исповедь», «О Троице», «О свободе выбора»;
Боэций – «Утешение философией»;
Исидор Севильский – «Этимологии»;
Максим Исповедник – «Недоуменное», возможно, «Мысли о постижении Бога и Христа»;
Иоанн Дамаскин – «Точное изложение православной веры»;
Авиценна – «Метафизика»;
Петр Ломбардский – «Сентенции»;
Бернард Клервоский – послания, проповеди;
Альберт Великий – комментарии на «Сентенции» Петра Ломбардского, «Книга о причинах»;
Фома Аквинский – «Сумма богословия», «Толкование на Физику Аристотеля» и др. трактаты.

Античные языческие философы:

Платон – Экхарт знает многие тексты основателя Академии, в особенности же диалоги «Федон» и «Тимей» (в переводе Халкидия). Некоторые места из его проповедей наводят на мысль о диалектике первых двух гипотез «Парменида»;
Аристотель – «Метафизика», логические сочинения, «О Душе»;
Прокл – «Первоначала теологии» (в переводе Вильяма из Мербеке).
Есть целый ряд мест, которые вызывают уверенность, что Мейстер Экхарт должен быть знаком с некоторыми из трактатов Плотина – в изложении Мария Викторина.
Добавим и псевдоаристотелевский трактат «О причине причин».

Однако список источников дает нам скорее материал, который Экхарт перерабатывал в свете своего мистического опыта, чем набор идейных источников. Отталкиваясь от общей традиции средневековой мысли, он совершил настоящую революцию, изложение которой – непростая задача для того, кто решился написать об Экхарте.

Нам кажется, что главной ошибкой любого толкователя Мейстера Экхарта явилась бы попытка превратить его воззрения в некоторую спекулятивную систему. Часто при изложении учения Экхарта исследователи опираются на свод его рассуждений, изречений и проповедей, произнесенных на средневерхненемецком языке. Проповеди по большей части записывались его слушателями, при этом не редактировались автором или же – в некоторых местах это видно

⁶ Не стоит обвинять за это Экхарта: мы имеем перед собой проповеди, чьей задачей была убедительность, а не научная точность!

– лишь разбавлялись его собственными заметками или конспектами. В различных рукописных традициях существуют разночтения⁷, касающиеся порой центральных положений.

Да и сам Экхарт прибавляет нам проблем. Будучи мистиком, он не заботится о точности формулировок и о том, чтобы давать однозначные определения одному и тому же предмету. Он прекрасно понимает основную функцию речи: не сообщать информацию, а вызывать определенное переживание, которое станет причиной нужного представления. Огонь, разгорающийся в глазах слушателя, важнее четкости дефиниций и рациональной последовательности, так как для мистика речь, как и спекулятивное мышление, не цель, но средство. А антиномии и парадоксы, возникающие при сравнении различных его проповедей или трактатов, – одно из средств восхождения к невысказанной природе Божества⁸.

При чтении проповедей видно, как порой торопится Экхарт, находясь в расцвете своих духовных сил, донести до слушателей нечто открывающееся ему прямо сейчас, здесь. Он убежден, что истина не в будущем и не в прошлом, а здесь и сейчас, – нужно лишь воспользоваться этим счастливым «благовремением». В этом смысле тексты его проповедей напоминают трактаты другого философа и мистика, основателя неоплатонизма Плотина. Те также написаны не с целью создания системы, а «по случаю» – в ответ на просьбу кого-либо из его учеников. Они имеют характер беседы, предполагая реакцию, возражения второго, скрытого текстом, участника диалога. Плотин также мало заботится о кристальной точности формулировок; ведь и для него важнее успеть воспользоваться благовремением, этой «трещиной в бытии».

Следует добавить, что до сих пор до конца не исследован корпус латинских сочинений Экхарта, обнаруженных в 1880–1886 годах, хотя именно там наш автор выступает как последовательный, схоластически точный мыслитель.

По этим причинам мы не хотим давать в по необходимости краткой вступительной статье эскиз «мистической системы» Экхарта (которой – именно как «системы» – скорее всего и не было). Некоторые важные стороны его мировоззрения будут обсуждаться в комментариях к проповедям⁹. Здесь же отметим только несколько узловых моментов, которые нужно помнить при чтении Экхарта.

Прежде всего, в его воззрениях присутствует немало платонических и неоплатонических идей, как у многих немецких доминиканцев рубежа XIII–XIV столетий, в среде которых дольше всего продолжалось сопротивление прямой «экспансии» аристотелизма.

Центр интереса нашего автора (как мистика-платоника) – душа, во всей непосредственности ее внутренней жизни. Экхарт «выносит за скобки» все, что помешало бы познать душу – то есть познать самого себя! – эпоху, воспитание, семейные и практические связи человека с его окружением. Он опирается только на вырванную из исторического и общественного контекста своего существования душу и на Священное Писание, которое должно служить «путеводителем» при исследовании самого себя. (При этом в последнем обнаруживаются совершенно необычные смыслы.)

Душа, которая постигаема во времени, – это само время, сама память о своей жизни, о своих чаяниях, радостях, заботах. Когда мы говорим о душе во времени, мы не видим ее саму по себе, а лишь какой-то из многочисленных ее ликов. Самопознание, следовательно, не может быть «потоком сознания», не должно происходить во времени, но лишь вне времени, вне памяти о себе «ежемоментальном». Самопознание тождественно для Экхарта, верующего христианина, с познанием Бога, открыть Коего можно только в душе. Как Бог не причастен времени, так не причастна времени и душа: они не в прошлом и не в будущем, но *сейчас* – в том

⁷ В некоторых из современных западных изданий список разночтений по объему превышает сам экхартовский текст.

⁸ Именно поэтому так легко можно провести параллели между проповедями Экхарта и такими восточными текстами, как «Упанишад» или «Дао дэ цзин».

⁹ И особенно хотим обратить внимание на проповедь «О царствии Божию».

единственном модусе времени, где вечность открыта нам. Именно в «сейчас» происходят все действительно важные для души события: грехопадение (понимаемое Экхартом весьма специфически), выбор Бога или мира, Богопознание, спасение. Поскольку душа причастна вечности, она – в этом смысле – вечна; поскольку мир причастен вечности, он – в этом смысле – вечен. Вечность твари у Экхарта на самом деле не отрицает догмат о Сотворении мира и души, а показывает, что для души важны не внешние события, а лишь та вневременная история, которая происходит в ней самой.

Важно отметить, что Экхарт, говоря о вневременной природе души, не превращает ее в абстрактную «субстанцию». Закостенение души как некой вневременной сущности сделало бы ее столь же далекой от Бога, как и пребывание в постоянной изменчивости времени. Поскольку Бог превосходит все тварное, все, что может представить человек, – душа, которая есть Его образ и, потенциально, подобие, не может быть ни временным становлением, ни абстрактной вневременной субстанцией¹⁰. Она – «ничто» тварного и «ничто» Творца, если мы понимаем Его как простую противоположность твари. Чтобы показать подлинный облик души, Экхарт вводит по существу гностическое понятие «искры», обозначающей совершенно трансцендентное всему психическому и рациональному опыту человека основание души, в котором последняя и воссоединяется с Богом. Бог – чистое единство бытия и мысли; Он настолько превосходит любое наше понятие, что не может быть назван в своей сокровеннейшей сущности иначе, чем безосновная Основа (*grunt*), Бездна, на которой зиждется все сущее.

В итоге Экхарт заставляет своих слушателей признать очень важный тезис. Воссоединение с так определенным Богом оказывается невозможно помыслить как некий механический процесс, как взаимодействие двух внешних друг другу субстанций. Воссоединение возможно лишь как Богорождение: Бог рождается в душе, отчего душа не только становится божественной, но восходит к той самой безусловной и безосновной Основе, из которой проистекли и тварь, и Творец (!).

В акте Богорождения происходят одновременно и снятие любой иерархии (как неоднократно повторяет Экхарт, душа в этот момент превосходит Самого Творца), и возникновение Лиц Троицы¹¹. Экхарт определенно различает Божество как сущность всех Лиц Троицы (и одновременно первую манифестацию потусторонней «основы») и Бога, Лики Которого указывают на порядок творения мира. Так вот, душа связана с последними лишь как тварь с Творцом. Там же, где нет никакого различия, то есть в своей основе, «искре», она едина с самой сверхбожественной основой всего.

Оправдываясь в своих апологетических текстах от обвинений в ереси, Экхарт демонстрирует родство своего учения со стандартной схоластической моделью, говоря о невозможности в человеческой душе тождества мышления и бытия по существу. Мы видим, что его оправдания не были проявлением слабости или лукавства, ибо Экхарта нельзя назвать пантеистом (по крайней мере, в классическом смысле этого слова). Он различал ту душу, которая является нашей психической очевидностью, «иной» Богу, и то истинное «нечто», которое присутствует в момент Рождения Христа в нас. Однако экхартовская апология не могла сгладить шокирующего впечатления от тезиса о запредельной бездне, каким-то образом присущей человеческой душе, бездне, породившей все, в том числе и Бога. Для его последователей этот тезис был откровением, для гонителей же – соблазном, который необходимо искоренить.

Ученики Экхарта были уже более осторожны. Иоганн Таулер, Генрих Сузо, Ян Рюисброк более или менее успешно старались примирить мистические положения своего учителя с нор-

¹⁰ С этой точки зрения вечность не является чем-то попросту противоположным времени, а Творец – твари.

¹¹ Экхарт здесь очень близок духу неоплатонической философии, для которой экстатическое восхождение к Единому также оборачивается снятием всяческой иерархии, как абсолютно несущественной перед ликом Первоначала – но лишь в миг предстояния перед Его Ликом.

мами католического церковного умозрения. Их сочинения не столь резки и откровенны – хотя все они были яркими личностями и популярными авторами.

Однако влияние мистики Экхарта не исчерпывается творчеством его непосредственных преемников. Авторитет нашего автора признавал такой «столп» возрожденческого мышления, как Николай Кузанский, и даже сам Мартин Лютер опубликовал в 1518 году написанную во второй половине XIV века под воздействием идей Экхарта анонимную «Немецкую теологию». Влияние Мейстера Экхарта заметно в сочинениях Якоба Бёме и Ангелуса Силезиуса (Иоганна Шефлера). Мы говорили уже о возрождении интереса к Экхарту в начале XIX столетия благодаря открытиям Франца фон Баадера. И дело здесь не в «антикварном любопытстве», испытываемом по поводу средневековой доминиканской мистики, но в удивительно современном ее звучании.

Эта современность звучания Экхарта признавалась и современными Баадеру немецкими романтиками, и немецкой классической философией (Шеллингом, Гегелем). Тот, кто знаком с сочинениями Макса Шелера или Мартина Хайдеггера, увидит, что эти авторы – авторы уже XX столетия – обращаются к тем же проблемам, что и говоривший, казалось бы, удивительно просто (и о простых вещах) Экхарт.

Чем это вызвано? Пожалуй, можно дать единственный ответ на этот вопрос: мистические тексты Экхарта снимают историческую дистанцию между ним и его эпохой, поскольку указывают на опыт самопознания, который действительно позволяет нам обнаружить в себе не только «эмпирическое я», но и что-то невыразимое, завораживающее, неподвластное физическому времени.

* * *

Публикуемые ниже переводы Маргариты Васильевны Сабашниковой (1882–1973) представляют собой первую и очень интересную страницу в изучении средневековой немецкой мистики в России. Сама переводчица принадлежала к высшим интеллектуальным и художественным кругам России «Серебряного века». Некоторое время она была замужем за Максимилианом Волошиным, у нее были драматические отношения с Вяч. Ивановым. Она обладала несомненным даром художника, училась у И. Е. Репина, но стала более известна как переводчица, писательница и поэтесса. На М. Сабашникову огромное впечатление оказала антропософия, она входила в антропософское общество и переводила на русский язык сочинения Рудольфа Штайнера. Свое мироощущение того времени Маргарита Васильевна передавала в своих мемуарах следующими словами: «Вся природа – Божий храм, а естествознание – богослужение. Священники не нужны, потому что перед Богом все равны. Молитвы учить не нужно, потому что каждый должен обращаться к Богу на своем языке. Или нет никаких чудес, или каждый цветок, каждый кристалл есть чудо». После революции М. Сабашникова пыталась служить новой России, учила детей рисованию, пыталась проводить художественные акции, но закончился этот период ее жизни разочарованием в наивных идеалах ее поколения и депрессией. В 1922 году М. Сабашникова уезжает за границу и больше уже не возвращается на родину.

Интерес к творчеству Мейстера Экхарта был связан у М. Сабашниковой с ее антропософскими увлечениями. По мнению Маргариты Васильевны, Экхарт как никто другой из средневековых мистиков был близок подлинному знанию, а его проповеди были созвучны идеям, которые она обнаруживала в антропософии. В 1912 году вышел ее перевод ряда проповедей Экхарта, который долгое время был единственным русскоязычным источником по творчеству великого немецкого мистика. Лишь в последнее десятилетие в России появились переводы и исследования М. Ю. Реутина, Н. О. Гучинской, М. Л. Хорькова, В. В. Нечунаева, И. М. Про-

хоровой и др., которые сделали творчество и идеи Экхарта более доступными для читающей отечественной публики.

В наше время, характеризуя переводы М. Сабашниковой, отдают дань ее литературному мастерству и интуиции, однако утверждают, что они – «изящные и неточные». Действительно, Маргарита Васильевна порой упрощает текст Экхарта, заменяя грамматические формы средневекового немецкого языка более понятными для русского читателя. Однако от этого не теряется смысл сказанного немецким мистиком, так что публикуемые переводы могут успешно представить творчество Экхарта современной публике. К тому же они сами уже стали памятником отечественной литературы и с этой точки зрения имеют самостоятельную ценность.

Мы дополнили публикуемые переводы краткими комментариями. Комментарии не имели задачей написание исчерпывающего истолкования или научно-справочное оформление настоящего издания. Скорее они являются размышлением над текстами проповедей, попыткой обнаружить в них внутреннюю логику и сформулировать вопросы, обращенные даже не к Мейстеру Экхарту, а к нам самим.

Р. В. Светлов

Духовные проповеди

О свершении времен

Во время оно был послан Господом ангел Гавриил. «Радуйся, Благодатная, Господь с тобой». Когда меня спрашивают, зачем мы молимся, или постимся, или делаем добрые дела, зачем мы крещены и – главное и самое трудное – зачем Бог стал человеком, я отвечаю: «Затем, чтобы Бог родился в нашей душе, а душа в Боге».

Зачем созданы всевозможные писания, а Бог сотворил весь мир? Лишь для того, чтобы Бог родился в душе и душа в Боге. Сокровеннейшая природа любого злака предполагает пшеницу, любой руды – золото, всякое рождение же имеет целью человека. «Нет такого зверя, – говорит один мудрец, – который не имел бы во времени чего-либо общего с человеком».

«Во время оно». Когда какое-нибудь слово воспринято моим разумом, оно вначале так бесплотно и чисто, что это поистине слово – до тех пор, пока, представляя себе сказанное, я не превращу его в некий образ. Только после этого, в третью очередь, оно выговаривается устами, и тогда остается лишь произнесение сокровенного слова. Точно так же и вечное Слово внутренне выговаривается в сердце души, в ее сокровеннейшей и чистейшей святине. Рождение же совершается в «голове» души, в ее разуме. Пусть тот, кто имеет хотя бы надежду на рождение или предчувствие его, узнает, как оно происходит и что ему способствует.

Святой апостол Павел говорит: «В свершении времен Бог послал Своего Сына». Святой Августин объясняет, что такое «свершение времен». Когда нет больше времени – это и есть свершение времен. Когда дня больше нет – тогда свершен день. Поистине там, где должно совершиться это рождение, должно исчезнуть всякое время; ибо нет ничего, что бы так препятствовало ему, как время и творение.

Нет сомнения, что время, по существу своему, не касается Бога и нашей души. Если бы оно могло коснуться души, душа не была бы душой. Если бы Бог был прикосновен времени, то не был бы Богом. Если бы душа имела что-либо общее со временем, то Бог никогда не мог бы родиться в ней. Для рождения нужно, чтобы отпало всякое время или чтобы душа освободилась от времени с его желаниями и стремлениями.

Вот другое значение «свершения времен»: если бы кто-нибудь обладал таким искусством и властью, что собрал бы в одном мгновении и настоящее, и все, что произошло за шесть тысяч лет или еще имеет произойти до конца света, то это было бы свершением времен. Вот подлинное мгновение вечности: когда душа познает все вещи в Боге такими новыми и свежими и в той же радости, какими я ощущаю их сейчас перед собой. Я прочел следующее в одной книжечке, написанной человеком, который мог это доказать: сейчас Бог создает мир точно так же, как Он делал это в первый день творения, в этом-то и заключается Его богатство.

Душа, в которой надлежит родиться Богу, должна отвернуться от времени, как и время от нее; она должна подняться и застыть посреди богатства Господа. Даль и ширь там не далеки и не широки! Там познает душа все вещи – познает в их совершенстве. Что бы ни писали мудрецы о высоте неба, малейшие силы моей души выше высочайшего неба, – не говорю уже о разуме, который дальше всякой дали. В нем я так же близок к месту, лежащему за тысячу миль по ту сторону моря, как к тому, где нахожусь сейчас. В этой дали, в этом богатстве Господа душа познает все; ничто там не проходит мимо нее, и ей больше нечего ожидать.

«Был послан Ангел». Учителя говорят, что сонму ангелов нет числа, что их число непостижимо. Но для того, кто может различать без помощи числа и множества, сто ангелов были бы как один. И будь в Божестве сто лиц, такой человек все же постиг бы, что Бог един. Этому изумляются и неверующие люди, и невежественные христиане, и даже многие священники,

которые знают о Боге так же мало, как знает о нем какой-нибудь камень. Они понимают три лица как три коровы или три камня! Но тот, кто может постигнуть различия в Боге без числа и множества, тот знает, что три лица – это один Бог.

И как высоко ни стоит ангел, лучшие наши наставники учат, что каждый из ангелов имеет собственную природу. Если бы нашелся человек, который обладал бы полнотой мудрости, власти и всего, чем обладали, обладают и будут обладать люди, то для нас этот человек был бы чудом; и все же он был бы только человеком и стоял бы много ниже ангелов! Ведь каждый ангел имеет свою природу и отличается от другого, как зверь одной породы отличается от зверя другой. В этом множестве ангелов и состоит богатство Божие. Тот, кто охватит взором сразу всех их, получит понятие о том, насколько богат Господь. Ангелы представляют Его власть, как представлена власть какого-нибудь господина множеством рыцарей. Поэтому мы и зовем Его Господом господствующих.

И все эти бесчисленные ангелы, как бы ни были высоки они, должны содействовать и помогать, когда происходит рождение Бога в душе. Это значит, что для них в том рождении заключена радость, веселье и блаженство – ведь делать им самим при этом ничего не нужно! Вообще, сотворенным существам здесь делать нечего, ибо Бог совершает это рождение Один. Ангелу при рождении определена лишь вспомогательная служба. Все, что может при этом быть совершено ангелами или творениями, – это «дело служения».

«Ангел именем Гавриил». Он поступил в согласии с тем, как именовался, хотя, в сущности, он не более назывался Гавриилом, чем Конрадом. Никто не может знать имени ангела; туда, где находится его имя, никогда не проникал ни один мудрец, ни одна человеческая мысль. Быть может, он вообще не имеет имени! Ведь душа тоже не имеет имени. Как Богу нельзя найти истинного имени, так и душе, – хотя об этом написаны толстые книги! Имя дается ей постольку, поскольку она проявляется в какой-либо деятельности.

Вот слово «плотник», – но ведь это не имя человека, а именование, данное ему по тому делу, в котором он мастер. Имя «Гавриил» тот ангел получил по делу, вестником которого он был. Ибо «Гавриил» значит «сила»: в рождении Бога в нас и нас в Боге действовал и действует сам Бог как сила.

К чему стремится каждая сила природы? Она хочет воспроизвести себя самое! К чему стремится каждая природа, когда она занята зачатием? Она хочет воспроизвести себя самое. Природа моего отца – его человеческая природа – хотела воспроизвести отца. Так как она была не в состоянии этого совершить, она возжелала того, что наиболее похоже на отца, и зачала то, что более всего похоже, – сына! Когда же и на это не хватает силы или не удастся этого, то она производит человеческое существо еще менее подобное отцу [то есть женщину – дочь].

У Бога же неограниченная сила! Вот почему в том рождении дарует Он Свое подобие: без остатка рождает Он в душе все, что в Нем есть сила, истина и мудрость.

Св. Августин утверждает, что душа уподобляется тому, что она любит: если любит она земные вещи – становится земной, если любит Бога – тут можно спросить: становится ли она Богом? Если бы я так и сказал, это прозвучало бы невероятным для тех, чья мысль слишком слаба и не может это понять. Поэтому я так не говорю, но указываю вам на Писание, которое говорит: «Я сказал, вы боги!»

Если кто-нибудь обращает взор, надежду или доверие к богатству, о котором я говорил, то пусть он знает, что никогда и ничто не было так близко благодаря рождению, так подобно другому, так одно с ним – как душа и Бог, пребывающие в этом рождении. Если же при этом встречается препятствие и душа не во всех отношениях оказывается подобна Богу, то в этом не Его вина!

Поскольку всякое несовершенство отделяется от души (ниспадает с нее), постольку Он делает ее подобной Себе. Если плотник не может построить хороший дом из червивого дерева, то это не его вина, но вина дерева. Точно таково же действие Бога в душе. Если бы самый

последний ангел отразился или родился в душе, то в сравнении с этим весь мир показался бы ничем; ибо от единственной искорки ангела зеленеет и цветет и светится все, что есть на земле. А то рождение совершает Сам Бог, дело же ангела при этом лишь служебное.

«Аве» означает «без боли». Кто не создан, для того нет боли и ада; и тварь, которая обладает наименьшими свойствами твари, знает боль в наименьшей степени. Я говорю иногда: кто меньше всего имеет от мира, тот самый богатый в мире. Никому не принадлежит мир в той мере, как тому, кто отказался от всего мира. Знаете, отчего Бог есть Бог? Оттого, что Он без творений.

Он никогда не называл Своего имени во времени. Во времени тварь, грех и смерть, – они сродни в известной мере друг другу. И когда душа уходит от времени, в ней не остается ни боли, ни адского страдания. Там даже горе становится для нее радостью. Вся радость, веселье, блаженство, весь жар любви, которые только можно вообразить себе, перестают быть радостью в сравнении с блаженством, которое испытывают при том рождении.

«Благодатная Мария, Господь с тобой». Малейшее действие благодати по своей природе выше всех ангелов. Св. Августин говорит: деятельность благодати, исходящая от Бога – когда, например, Он обращает грешника и делает его хорошим человеком, – есть нечто большее, чем создание Им нового мира.

Ибо Богу так же легко перевернуть небо и землю, как мне перевернуть в руке яблоко.

Если в какой-нибудь душе есть Божия благодать, то как же ясна эта душа, как подобна Богу, как родственна Ему! Однако она никак не действует – ибо в рождении, о котором я только что говорил, нет действия. Св. Иоанн не совершил ни одного знамения!

И все же дело, которое дано ангелу в Боге, так высоко, что ни один мудрец, ни одна мысль человеческая не были бы в состоянии его понять. Взгляд ангела – от малейшего действия которого содрогается земля и небо и все, что есть на земле, цветет и живет – в этом деле лишь щепка, которая отлетает, как отлетает щепка от строящегося дома.

Я охотно употребляю слово «родник». Как бы странно оно ни звучало, мы должны выражаться по-своему! Первый родник – тот, в котором Отец рождает своего Единородного Сына. Именно из этого родника возникает и изливается благодать. Другой родник – тот, в котором творения вытекают из Бога. Он так же далек от того, из которого возникает благодать, как небо далеко от земли.

Благодать не действует.

Там, где земной огонь является в своей истинной природе (то есть в Солнце), он не горит и не жжет. Жжет жар, который исходит от огня. Но там, где жар еще заключен в огне, он не жжет и не вредит. И все же жар, даже когда он заключен в огне, так же далек от истинной природы огня, как небо от земли. Благодать не совершает никакого дела, она слишком благородна для этого: действие так же далеко от нее, как небо от земли.

Бытие в Боге, связь, единство с Богом – вот что такое благодать, и тогда «с тобой Бог», ибо за этим и следует «Господь с тобой!». Тогда совершается рождение.

Никто не должен думать, что этого достигнуть невозможно. Как бы ни было трудно, что мне до трудностей, если Он совершает это? Мне легко исполнить все Его заповеди. Пусть Он велит мне что хочет, я сочту это за ничто, для меня все это малость, если Он дарует мне за то Свою благодать. Многие говорят, что они не имеют ее! И я отвечаю: мне очень жаль. Но мне еще более жаль, если ты и не томишься по ней. Уж если ты не имеешь ее, то хотя бы томился по ней! Если же и томления нет, то пусть томятся по томлению! Как говорит Давид: я томлюсь, Господи, по томлению о Твоем правосудии.

Дай нам Бог так томиться по Господу, чтобы наше томление заставило Его Самого родиться в нас! Аминь.

О вечном рождении

Здесь во времени мы справляем праздник вечного рождения, которое Бог Отец непрестанно совершал и совершает в вечности, и празднуем это самое рождение, совершившееся во времени и в человеческой природе. Рождение это совершается всегда, говорит Августин. Но если оно происходит не во мне, какая мне от этого польза? Ибо все дело в том, чтобы оно совершилось во мне. Будем же говорить об этом рождении, как оно совершается в нас или, лучше сказать, в доброй душе.

В какой же области совершенной души произносит Отец свое Слово? Ибо все, что я говорю здесь, относится только к совершенному человеку, который шел и идет путями Божиими, но не к ветхому и неподготовленному человеку, потому что последнему это рождение неизвестно и совершенно чуждо.

Слово мудрого человека гласит: «Когда все вещи покоились в глубоком молчании, сверху, с престола Господа, на меня низошло сокровенное Слово». Об этом Слове будет наша проповедь.

«Среди молчания было во мне сказано сокровенное Слово». О Господи, где то молчание и где то место, в котором изрекается это Слово? Оно – в самом чистом, в самом нежном, что есть в душе, в самом благородном, в основе и в сущности души. Там – глубокое молчание, ибо туда не проникает ни одна тварь или образ, ни одно действие или размышление не тревожат там душу и никакого образа не ведает она там и не знает ни о себе, ни о другой твари.

Всякое действие душа исполняет с помощью сил. Все, что она познает, она познает разумом. Когда думает – пользуется памятью. Если любит, то любит волей. Так действует она – посредством сил, а не сущности. Всякое внешнее ее дело всегда связано с посредником. Только посредством глаз осуществляет она силу зрения: ведь иначе она никак не может воспользоваться этой силой. И так во всех чувствах: она всегда пользуется каким-нибудь посредником для своих внешних действий.

Но в самой сущности нет действия. Ибо хотя силы, посредством которых она действует, вытекают из основы души, в самой основе – лишь одно глубокое молчание. Только здесь покой и обитель для того рождения, для того, чтобы Бог Отец изрек здесь свое Слово, ибо эта обитель по своей природе доступна только Божественной Сущности, причем без всякого посредника. Здесь Бог входит в душу всецело, а не частью лишь Своей. Здесь входит Он в основу души. Никто, кроме Бога, не может коснуться ее основы. Тварь не проникает в глубину души, она должна оставаться снаружи, вместе с силами. Только здесь душа могла бы созерцать свой образ, с помощью которого она вошла сюда и нашла приют.

Ибо когда силы души приходят в соприкосновение с тварью, они берут и создают ее образ и подобие и вбирают их в себя – так познают они тварь. Далее, чем образ, тварь не может войти в душу; а душа приближается к твари лишь потому, что она прежде всего полностью принимает в себя ее образ. Только посредством представленного образа она приближается к творениям, ибо образ есть нечто, что душа создает с помощью сил. Будь то камень, человек, роза или что-либо из того, что она хочет познать, она всегда обращается к образу, который прежде получила от них, и только таким путем она может соединиться с ними.

Но когда человек таким способом получает образ, этот последний должен обязательно войти в него извне, через внешние чувства. Поэтому нет для души ничего более неведомого, чем она сама. Один мудрец говорит, что душа не может создать или получить своего образа и поэтому ей нечем познать себя самое. Ибо всякий образ приходит через внешние чувства: вот почему душа не может иметь своего образа. Поэтому она знает все, только не саму себя. Из-за отсутствия посредника ни о какой вещи не знает она так мало, как о себе самой.

Но ты должен знать: внутри душа свободна от всяких посредников и образов; в этом и заключается причина, по которой Бог может свободно соединяться с ней – без образа и подобия.

Ты не можешь не приписать Богу тех способностей, которые приписываешь мастеру, – только взяв их в наивысшей степени. Чем мудрее и сильнее мастер, тем естественнее осуществляется его дело и тем проще оно. Человек нуждается во многих средствах для своих внешних дел. Прежде чем он исполнит свои дела так, как представил их себе, необходимы многие приготовления. [В отличие от человека] светить – искусство и дело Луны и Солнца, и исполняется оно небесными светилами очень быстро. Как только прольют они свое сияние, в то же мгновение мир на все стороны полон света. Но еще выше – ангел. Он в своем деле нуждается в еще меньшем количестве средств и пользуется еще меньшим числом образов. И верховный серафим обладает-таки еще одним-единственным образом; все, что другие, стоящие ниже его, воспринимают во множественности, он постигает в едином.

Но Бог совершенно не нуждается в образе и не имеет его в Себе. Бог действует в душе без всякого средства, образа и подобия. Он действует в основе, куда никогда не попадал ни один образ, ничто, кроме Него Самого, кроме Его собственной сущности. Этого не может ни одна тварь!

Ибо как рождает Бог Отец Сына Своего в душе? Подобно творению – в образе и подобию? Поистине нет! Наоборот – так же, как Он рождает Его в вечности, и никак иначе. Хорошо! Но как же рождает Он Его там [то есть в вечности]? Видите ли, Бог Отец обладает совершенным постижением Себя Самого и глубочайшим проникновением в Себя Самого исключительно посредством Себя Самого – без всякого образа! Именно так рождает Бог Отец Сына в истинном прозрении Божественной Природы. Таким и никаким иным способом рождает Бог Отец Своего Сына в недрах, в основе и сущности души и так соединяется с ней. Ибо если бы здесь был образ, то не было бы истинного единства, а в истинном единстве заключается все ее блаженство.

Теперь вы могли бы сказать: «Ведь согласно природе души в ней находятся одни только образы!» Нет, это не так, иначе душа никогда не обрела бы блаженство. Ведь Бог не может создать тварь, которая дала бы тебе полное блаженство; в этом случае Он не был бы для тебя высшим блаженством и последней целью.

Его природа и воля состоит в том, чтобы быть началом и концом всякой вещи. Никогда тварь не может явиться самым блаженством. Так же мало может она быть совершенством, ибо из совершенства и добродетели вытекает совершенная жизнь.

Итак, ты должен пребывать и жить в своей сущности и в своей основе; там и коснется тебя Господь Своей простой сущностью без посредника и образа. Ведь каждый образ предполагает и предлагает не себя самого – он лишь подводит к тому, образом чего он является. И так как мы имеем образ лишь для того, что снаружи и может быть воспринято исключительно внешними чувствами, то есть для сотворенного, а образ приводит к тому, что он изображает, то невозможно, чтобы ты смог обрести блаженство через какой-либо образ.

Что для этого должен делать человек, чем ему достичь и заслужить, чтобы в нем совершилось и осуществилось это рождение? Лучше ли, чтобы он как-нибудь содействовал этому со своей стороны – например, думал о Боге и представлял Его себе – или чтобы он оставался в тишине, в покое, в молчании и тогда Бог говорил бы и действовал в нем, а он лишь ждал бы Божия дела? При этом я повторяю: этот глагол и дело Божие даются только добрым и совершенным людям, которые так вобрали и впитали в себя сущность всякой добродетели, что она излучается из всего их существа без всякого к тому их содействия. Прежде такого рождения в них должна жить сама достойная жизнь и само благородное учение Господа нашего Иисуса Христа!

Пусть они узнают, что лучшее и благороднейшее, к чему можно прийти в этой жизни, – это молчать и дать Богу говорить и действовать в тебе. То Слово изрекается, когда все силы отрешены от своих дел и образов. Потому и говорится: «Среди молчания было сказано мне тайное Слово». Чем более ты способен отозвать все силы и позабыть все вещи и образы, которые ты когда-либо воспринял, чем более ты позабудешь тварное, тем ближе ты будешь к высшему и тем восприимчивее. О, если бы ты захотел вдруг стать неведующим, возжелал бы не ведать даже о твоей собственной жизни, как это случилось со святым Павлом, когда тот говорил: «Был ли я в своем теле или нет, этого я не знаю, это знает Бог»! Тогда дух вобрал в себя все силы, так что тело для Павла перестало существовать. Тогда не действовали ни память, ни рассудок, ни внешние чувства, ни силы, которым надлежит поддерживать и совершенствовать тело. Впрочем, жизненный огонь и жизненная теплота были удержаны, потому тело не потерпело ущерба, хотя он в течение трех дней не ел и не пил.

Так же было и с Моисеем, когда тот постился на горе сорок дней и все же не ослабел от поста; в последний день он был силен в той же мере, как и в первый. Подобным образом человек должен освободиться от внешних чувств, обратиться внутрь и погрузиться в забвение всех вещей и себя самого.

Об этом говорит, обращаясь к душе, один учитель: беги от суеты внешних дел, беги и скройся от бурь внешних дел, как скрывается мысль, ибо они создают лишь несогласие.

Итак, если надлежит Богу сказать в душе Свое Слово, она должна пребывать в мире и покое; тогда Он изрекает в душе Свое Слово и Себя Самого, не образ, но Себя Самого! Дионисий говорит: Бог не имеет ни образа Своего, ни подобия, ибо Он по существу Своему все благо, вся истина, все сущее. В одно и то же мгновение Бог творит все дела Свои в Себе и из Себя. Когда Бог создавал небо и землю, не думай, что Он сегодня создал одно, а завтра другое. Да, подобное пишет Моисей, который, конечно, лучше всех знал об этом. Но Моисей поступил так ради людей, которые не смогли бы этого ни понять, ни принять каким-то иным образом. Только одно сделал ради создания небес и земли Бог: Он захотел, и они стали.

Бог действует без средств и без образов. Чем свободнее ты от образов, тем восприимчивее к Его воздействию; чем больше погружен в себя, в забвение, тем ближе ты к тому. К этому призывал Дионисий своего ученика Тимофея и говорил: «Милый сын Тимофей, ты должен с безмятежным чувством устремиться за пределы самого себя, своих душевных сил, за пределы образа и существа в сокровенный тихий мрак, дабы ты пришел к познанию неведомого сверхбожественного Бога! Для этого необходимо освобождение от всех вещей, ибо Богу противно творение в образах».

Теперь ты спросишь: что же творит Бог в основе и сущности души? Этого знать я не в состоянии, ибо душевные силы могут познавать только в образах, причем воспринимают они и познают каждую вещь в ее особом образе: они не могут познать птицу в образе человека; и так как все образы приходят извне, то акт творения остается сокрытым от души. И вот что для нее самое лучшее – неведение, которое приводит ее к чудесному и заставляет искать его снова! Ибо душа хорошо чувствует, что нечто существует, только не знает, что и как.

Когда человек постигает сотворенность вещей, они тут же утомляют его, и он обращает свой взгляд на что-нибудь новое; у него всегда сохраняется стремление познать эти вещи, и все же он не может остановиться на них. Только такое непознаваемое познание и удерживает душу и побуждает ее тем не менее к исканию.

Потому один мудрец сказал: «Среди ночи, когда все вещи молчали, в глубокой тишине было сказано мне сокровенное Слово. Оно пришло крадучись, как тать». Как же разумеет он это – откровение Слова, которое было сокрыто? Ведь сущность слова – открывать то, что сокрыто!

Оно раскрылось и блестело, будто хотело мне что-то открыть, и подавало мне весть от Бога; поэтому оно и называется Словом. Но от меня оно было сокрыто, оттого сказано: «В

тишине пришло Оно, чтобы открыться мне». Видите, потому и должно искать Его, что Оно сокрыто. Оно явилось и было все же сокрыто: Оно хочет, чтобы мы томились и вздыхали по Нему!

Святой Павел говорит: мы должны гнаться за Ним, пока не почуем Его, и не останавливаться, пока не схватим Его! Когда он был восхищен на третье небо, где услышал Бога и видел все тамошние вещи, и снова пришел в себя, ничто из того не было им позабыто, но было в нем так глубоко, сокровенно в основе, что разум его не мог постичь увиденного: это было закрыто от него. Поэтому он должен был искать и преследовать знание – внутри себя самого, не вне себя. Это совсем внутри, не снаружи; совсем внутри! И оттого что он это сознавал, он и сказал: «Я уверен в том, что ни смерть, ни какое-либо страдание не разлучат меня с тем, что я нахожу в себе».

Об этом сказал прекрасное слово один языческий мудрец другому: «Я ощущаю в себе нечто, что сияет в моем разуме, я вполне ощущаю, что это есть нечто, но что это, я не могу постичь. Однако мне кажется, что если бы я постиг, то узнал бы всю истину!» Тогда другой ему ответил: «Хорошо! Держись этого, ибо если бы ты смог постичь, то получил бы всю совокупность добра и вечную жизнь». В этом же смысле выражается и святой Августин: «Я сознаю нечто, что реет и светится перед моей душой; если бы оно достигло во мне совершенства и постоянства, то это была бы вечная жизнь! Оно таится и все же возвещает о себе. Приходит же оно воровским образом, чтобы отнять и украсть у души все существующие вещи. При этом они все же немного приоткрываются и показываются, чтобы очаровать душу и привлечь ее к себе и похитить и отнять у нее ее самое».

По этому поводу говорил пророк: «Господи, отыми у них их дух и дай им взамен Свой дух». То же имела в виду и любящая душа, когда говорила: моя душа растаяла и расплавилась, когда любовь изрекла свое слово; когда она вошла, я должна была исчезнуть. То же подразумевал Христос, когда говорил: «Кто оставляет что-либо ради Меня, тому воздастся во сто крат, кто хочет обладать Мною, тот должен отказаться от себя и от всякой вещи, и кто хочет Мне служить, должен следовать за Мною; он не должен больше преследовать свое».

Теперь ты скажешь: ах, сударь, вы хотите извратить естественную жизнь души! Такова ее природа, что она познает внешними чувствами и в образах; неужели вы хотите нарушить этот порядок? – Но что ты знаешь о том, какие возможности вложены Богом в человеческую природу – те, которые еще не до конца описаны, а тем более те, которые сокрыты? Ибо писавшие о возможностях души не пошли дальше того, к чему привел их естественный разум: ни разу не дошли они до самой глубины. Оттого многое должно было быть сокрыто от них и осталось неизвестным. Поэтому говорит пророк: я хочу сидеть и молчать и хочу слушать, что Бог говорит во мне. Оттого, что так сокровенно оно, и пришло это Слово в ночи, во мраке.

Святой Иоанн говорит: «Свет во тьме светит; в Свое пришел Он, и все, которые приняли Его, стали властью Сынами Божиими»; «Ибо была дана им власть стать Сынами Божиими».

Отметим пользу и плоды этого тайного слова и этого мрака для нас! Сын Небесного Отца не Один рождается из этого мрака, который принадлежит Ему; но и ты рождаешься там, как дитя того же Небесного Отца и никого иного; и тебе дает Он власть. Видите, как велика эта польза! Всякая истина, которой когда-либо учили и будут учить учителя вплоть до конца мира, истекает из их собственного разума; они же не постигли ни капли из того знания, из той глубины. Пусть даже молчание будет названо незнанием, неведением, в нем все же больше, чем во всяком внешнем знании и ведении. Ибо это неведение отвлекает и уводит тебя прочь от всего познанного и прочь от себя самого.

Это и имел в виду Христос, когда говорил: «Кто не откажется от себя, и не оставит отца и матери, и не будет вне всего этого, тот недостоин Меня». Это можно понять так, как будто бы Он говорит: кто не отвергнет всего внешнего, сотворенного, тот не может ни быть зачатым,

ни рожденным в божественном рождении. Когда ты лишишься себя самого и всего внешнего, лишь тогда воистину ты обретешь рождение.

И воистину верую я и убежден в том, что человек, который тверд в этом, никогда не может быть разлучен с Богом.

Я утверждаю, что он не в состоянии впасть в смертный грех. Скорее претерпит он постыднейшую смерть, чем впадет в какой-либо смертный грех, – как поступали святые. Даже простительного греха – если они могли его отвратить – не могли они ни совершить, ни сознательно допустить в себе или в других. Так увлечены, очарованы были они этим путем, так освоились с ним, что и не захотели бы обратиться к другому: все чувства и силы их обращены к одному.

Да поможет нам в этом рождении Бог, сегодня вновь рожденный человеком, дабы мы, бедные дети земли, родились в Нем божественно; да поможет Он нам в этом во веки веков! Аминь.

О сокровеннейшей глубине

Один учитель говорит: «Бог стал человеком; оттого весь человеческий род вознесен и прославлен. Мы можем воистину радоваться тому, что Христос, наш брат, Своей Собственной силой возвысился над всеми сонмами ангелов и воссел одесную Отца». Этот учитель сказал хорошо. Но, по правде сказать, я не придаю его словам особенного значения. Что мне из того, что у меня богатый брат, когда я сам беден? Что мне из того, что у меня мудрый брат, когда я сам глупец? Я говорю нечто другое и более убедительное: Бог не только стал человеком, Он принял на себя человеческую природу.

Обыкновенно мудрецы говорят, что все люди равны по своей человеческой природе. А я утверждаю, что все доброе, чем обладали все святые, и Мария, Матерь Божия, и Христос по Своему человечеству, – все это мое достояние в этой же природе.

Теперь вы можете спросить меня: если уже в этой природе я обладаю всем тем, что Христос мог бы дать мне по Своему человечеству, отчего мы так высоко ставим Христа и почитаем Его Господом и Богом? Да оттого, что Он был вестником от Бога к нам и принес нам наше блаженство; но блаженство, которое Он принес нам, было [именно] наше. Эта природа бьет ключом там, где Отец рождает в сокровенной глубине Своего Сына. Природа же эта проста и едина. И если с ней и связано нечто проглядывающее сквозь нее, то это «ничто».

Далее я говорю о другом и более трудном. Кто пребывает в наготы и чистоте этой природы, тот должен преодолеть личное настолько, чтобы делать равное добро тому человеку, который находится по ту сторону моря и которого он никогда не видел в лицо, как и тому, кто рядом с ним и кто его заветный друг. Пока ты желаешь добра для себя более, чем для человека, которого ты никогда не видел, ты поистине не прав и ты ни на один малый миг не заглянул в эту простую глубину. Быть может, ты и видел истину в бледном мысленном отображении ее, как бы в подобии, но ты никогда не обладал чем-то лучшим, чем такая истина.

Для этого ты должен быть чист сердцем. А лишь то сердце чисто, которое все созданное превратило в «ничто». И ты должен наконец освободиться от «ничто».

Часто спорят о том, что так горит в аду. Все учителя обыкновенно говорят, что сжигаемо своеволие. Но я утверждаю: в аду горит «ничто». Вот сравнение: возьми горящий уголь и положи его на мою руку. Если бы я сказал: уголь жжет мою руку, то я был бы несправедлив к нему. Если я должен определить, что, собственно, меня жжет, то это делает «ничто». Ибо в угле есть нечто, чего нет в моей руке. Если бы рука обладала всем тем, чем обладает и что дает уголь, она была бы огненной природы. И даже если бросили бы на мою руку весь огонь, который когда-либо горел, он не причинил бы мне боли. Поэтому я утверждаю, что Бог и все те, кто пребывает в блаженном созерцании Его, имеют нечто, чего не имеют отлученные от Бога. И именно это «ничто» учит пребывающие в аду души больше, чем своеволие или какой-либо огонь. Я говорю правду: насколько ты захвачен этим «ничто», настолько ты несовершенен. Поэтому, если вы хотите стать совершенными, освободитесь от всякого «ничто»!

«Бог послал в мир своего Единородного Сына». Вы не должны относить эти слова к внешнему миру, поскольку Он ел с нами и пил, – вы должны относить их к миру внутреннему.

Как истинно то, что Отец в Своей простой Божественной Природе рождает Сына, так истинно и то, что Он рождает Его в сокровеннейшем месте духа. И это – внутренний мир. Здесь Божия глубина – моя глубина. И моя глубина – Божия глубина. Здесь я пребываю вне моего, как и Бог пребывает вне Своего.

Для того, кто хоть на мгновение заглянул в эту глубину, тысяча фунтов червонного золота не больше поддельного гроша. Из этой сокровеннейшей глубины ты должен творить все, что творишь без всякого «зачем».

Я решительно утверждаю, что, пока ты делаешь что-нибудь ради Царствия Небесного, ради Бога или ради твоего вечного блаженства, то есть ради чего-нибудь внешнего, ты воистину не прав. Конечно, и это можно получить, но это не самое лучшее. Ибо воистину, если ты думаешь, что скорее достигнешь Бога через углубление, благоговение, расплывчатые чувства и особую сноровку, чем, находясь в поле у костра или в хлеву, ты не делаешь ничего иного, как если бы ты взял Бога, обернул вокруг Его головы плащ и сунул бы Его себе под лавку.

Ибо тот, кто каким-либо образом ищет Бога, схватывает образ, но Бог, сокрытый за этим образом, от него ускользает. Лишь тот, кто не ищет Бога в образе, обладает Им таким, каков Он есть Сам в Себе, и Он – сама жизнь.

Если бы кто-нибудь тысячу лет вопрошал жизнь: зачем ты живешь? – и она ответила бы ему каким-нибудь образом, то не сказала бы она ничего иного, кроме: живу, чтобы жить. И это оттого, что жизнь живет своей собственной глубиной, бьет из себя самой. Поэтому она живет без всякого «почему» и живет себя самое. И если бы кто-нибудь спросил правдивого человека, такого, который действует из своей собственной глубины: зачем ты делаешь свое дело? – и если бы он отвечал правильным образом, то не сказал бы ничего иного, кроме: делаю, потому что делаю.

Где кончается тварь, там начинается Бог. И Бог не желает от тебя ничего, кроме того, чтобы ты вышел из себя самого, поскольку ты тварь, и дал бы Богу быть в тебе Богом. Малейший образ твари, который ты создаешь в себе, так же велик, как Бог. Почему? Потому что он отнимает у тебя целого Бога. Ибо в то мгновение, когда этот образ входит в тебя, Бог со всем божеством Своим должен удалиться. Но когда этот образ уходит, является Бог. Бог так сильно желает, чтобы ты вышел из себя самого (поскольку ты тварь), словно все Его блаженство зависит от этого. Ах, милый человек, случится ли для тебя какая-либо беда, если ты предоставишь Богу быть в тебе Богом?

Выйди же ради Бога из самого себя, чтобы ради тебя Бог сделал то же самое. Когда выйдете оба, то, что останется, будет нечто единое и простое. В этом едином Отец рождает Сына в глубочайшем Своем источнике. Там расцветает Святой Дух, и там в Боге возникает воля, которая принадлежит душе. До тех пор, пока эта воля пребывает непричастной твари и всему созданному, – она свободна. Христос говорит: никто не восходит на небеса, кроме Сошедшего с небес.

Все вещи созданы из «ничто». Поэтому настоящий источник их – «ничто». Насколько эта благородная воля обращается к твари, настолько она погружается с ней в «ничто».

И вот вопрос: настолько ли погружается эта воля, что она никогда не сможет больше возвратиться? Мудрецы обычно говорят, что она никогда не возвращается, поскольку она ушла вместе со временем.

Но я говорю: если воля эта, на один миг хотя бы покинув себя и все созданное, обратится к своему первоисточнику, она восстанет в истинной свободе и будет свободной; и в одно это мгновение все потерянное время возвратится вновь.

Люди часто говорят мне: «Помолись за меня», и я думаю: зачем вы выходите из себя; зачем не остаетесь в самих себе и не черпаете из своего собственного сокровища? В вас самих заключена вся истина по существу своему.

Дай Бог, чтобы мы поистине оставались внутри, в сущности, и владели бы правдой в истинном блаженстве без различия и посредников! Аминь.

Об исхождении Духа и возвращении его

Не бойтесь тех, что хотят умертвить ваше тело, ибо души они убить не могут. Потому не могут, что не может убить дух духа; дух духу может лишь даровать жизнь. Убийцы, которые хотят вас убить, – это кровь и плоть, и только так один человек умирает от другого.

Благороднейшее, что есть в человеке, – это кровь, когда она желает добра. Но и горчайшее, что есть в человеке, – это кровь, когда в ней воля ко злу.

Если кровь побеждает плоть, человек терпелив, кроток и целомудрен и в нем собраны все добродетели. Если же побеждает плоть, человек высокомерен, зол, нечист и в нем собраны все пороки.

Теперь слушайте: я хочу сказать вам нечто, чего еще никогда не говорил. Когда Бог создал небо, землю и всякую тварь, Он никак не действовал. Ему не с чем было действовать, и в Нем не было действия. Тогда Он сказал: «Мы сотворим Наше подобие». Создавать не сложно – это делается когда и где угодно. Когда я что-нибудь делаю, то делаю это сам в себе и из себя самого и впечатлеваю там свой собственный образ.

«Мы сотворим подобие»: не Ты, Отец, и не Ты, Сын, и не Ты, Дух Святой, но Мы в совете Святой Троицы – Мы сотворим подобие.

Итак, когда Бог создавал человека, Он творил Свое творческое, Свое вечносущее, при-
сущее Ему дело. И было оно велико, ибо это была душа.

Душа была делом Божиим. Природа Бога, Его сущность и Его божество состоит в том, что он должен действовать в душе. И благословен, благословен будь Он за это! Оттого, что Сам Он действует в душе, любит Бог Свое дело. Его дело – это наша любовь. И любовь наша – Бог. В ней Бог любит Себя Самого, и Свою природу, и Свою сущность, и Свое Божество. Любовью же, которой Бог любит Себя, любит Он все создания. Не как создания любит Он их, но как Бога. Любовью, которой Бог любит Себя, любит Он весь мир.

Вновь я хочу сказать то, чего еще никогда не говорил. Бог наслаждается Самим Собой в этом деле, как наслаждается Он всеми созданиями: но не как созданиями, а как Богом. С отрадой, с которой Он наслаждается Самим Собой, наслаждается Он всем миром. «Бог услаждается Собой в вещах». И Солнце изливает свое светлое сияние на все созданное, и то, на что падают его лучи, вбирает оно в себя, но все же не теряет от этого своего света! Я беру сосуд с водой, и кладу в него зеркало, и ставлю его под солнечные лучи. Тогда Солнце излучается не только из своего диска, но и со дна сосуда: но все же не убывает от этого. Отражение в зеркале принадлежит Солнцу, оно – само Солнце. И все же оно есть только то, что оно есть. Совершенно так же и Бог.

Своей природой, сущностью и божеством Он – в душе, и все же Он – не душа. Отражение души принадлежит Богу и есть Бог: но от этого душа не перестает быть тем, что она есть.

Все творения стремятся к своему высшему совершенству. Все они стремятся от жизни к сущности и все переносятся в мой разум, дабы стать разумными. И я – единый – возвращаю все создания Богу. Пусть же каждый подумает о том, что он делает.

Внемлите, прошу вас, ради вечной правды и моей души. Я хочу сказать никогда доселе не сказанное. Бог и Божество не схожи, как небо и земля. Но прежде всего: внутренний и внешний человек различны так, как небо и земля. Правда, Бог на тысячу миль выше, но и Бог становится и преходит.

Но вот я снова возвращаюсь к внутреннему и внешнему человеку. Я вижу лилии в поле, и их светлое сияние, и их цвет, и их листья. Но их запаха я не вижу. Почему? Потому что их запах во мне. Как и то, что я говорю, во мне, и я выговариваю это из себя наружу. Мой внешний человек воспринимает создания как создания. Но мой внутренний человек воспринимает их

не как создания, а как дары Божии. Внутреннейший же мой человек принимает их даже не как дары Божии, но как извечно свое! Ибо даже Бог становится и преходит.

Становится Бог там, где все создания высказывают Его. Когда я был еще в основании, в глубине Божества, в течении и в источнике его, никто не спрашивал меня, куда я стремлюсь или что я делаю: там не было никого, кто бы мог меня спросить. Лишь когда я изошел, все создания возвестили мне Бога. Если бы меня спросили: брат Экхарт, когда вы вышли из дому? Я был сию минуту в нем. О Боге вещают все создания. Но почему они не говорят о Божестве?

Все, что в Божестве, – едино, и о том говорить нельзя. Бог действует так или иначе, Божество же не действует. Нет для него действия, и никогда не обратилось оно к нему. Бог и Божество различаются как дело и надеяние. Когда я возвращаюсь в Бога, я ничего не создаю из себя; и устье мое прекраснее моего истока. Ибо вот я, единый, возношу все создания из их разума в мой, дабы и они стали во мне единством.

И когда я возвращаюсь в глубину и основание Божества, в течение и источник его, никто не спрашивает меня, откуда я и где я был. Никто не ощутил моего отсутствия. И это значит: Бог преходит.

Благо тому, кто понял эту проповедь! Если бы здесь не было ни одного человека, я должен был бы произнести ее этой церковной кружке.

Найдутся жалкие люди, которые вернутся домой и скажут: я сяду на свое место, буду есть свой хлеб и служить Богу. Я говорю: воистину эти люди должны оставаться в заблуждении, и они никогда не смогут достичь того, что дается другим, которые следуют за Богом в Его нищете и обнаженности! Аминь.

О страдании

Один учитель говорит: «О, щедрый Бог, как хорошо мне будет, если моя любовь принесет тебе плоды!»

Господь говорит каждой любящей душе: Я был ради вас человеком, если вы не станете ради Меня богами, то будете ко Мне несправедливы. Моей Божественной Природой обитал Я в вашей человеческой природе, так что никто не знал Моей божественной власти и Меня видели странствующим, как всякого другого человека. Так и вы должны скрыть вашу человеческую природу в Моей Божественной Природе, дабы никто не узнал в вас вашей человеческой слабости и ваша жизнь стала бы божественной настолько, что не признавали бы в вас ничего, кроме Бога.

А это не произойдет, если мы станем говорить сладкие слова и совершать духовные ужимки и пребудем в духе святости. Это не произойдет, если слава о нас разнесется далеко и мы будем любимы, как друзья Божии, или если мы будем так избалованы Богом и изнежены, что нам покажется, будто Бог забыл все создания, кроме нас одних, и мы вообразим себе, что все, чего мы ни пожелаем, сейчас же случится. Нет, это не так! Не этого требует от нас Бог. Нет, не так это!

Он хочет, чтобы мы оставались свободными; чтобы нас не трогало, если, с целью лишить нас доброго имени, о нас говорят, будто мы лживые и неправдивые люди и тому подобное; и не только если о нас дурно говорят, но и дурно против нас поступают и отнимают у нас поддержку, в которой мы нуждаемся из-за наших жизненных потребностей, и вредят нам не только в вещах божественных, но вредят и нашему телу, так что мы заболеваем или подвергаемся тяжелому телесному страданию. И не должно нас трогать, если, когда мы желаем во всех наших делах лучшего, что только можно вообразить, люди будут обращать это в самое дурное, что только они могут придумать; и если мы будем терпеть это не только от людей, но и от Бога, когда Он отнимает у нас утешение Своего присутствия и как бы воздвигает стену между Собой и нами, и, когда мы прибегаем к Нему в наших скорбях за утешением и помощью, Он словно бы закрывает глаза и не желает ни видеть, ни слышать нас и оставляет нас одних в нужде и борьбе, как был оставлен однажды Своим Отцом Христос. Вот тогда-то и должны мы укрываться в Его Божественной Природе и в нашей неутешности стоять непоколебимо на том, чтобы не помогать себе ничем другим, кроме слов: «Отче, да будет воля Твоя надо мной».

Бог – это существо, которое можно лучше всего познать через «ничто». Спросят: «Как через „ничто“?» Ответу: отказываясь от всяких средств, и не только отказываясь от мира и приобретая добродетель, но и добродетель я должен оставить, если хочу познать Бога без всяких посредников. Не то чтобы я должен был отказаться от добродетели, но добродетель должна, по существу своему, обитать во мне, я же должен стать выше добродетели. Когда человеческая мысль не причастна больше никакой вещи, она впервые касается Бога.

Один языческий мудрец говорит, что природа не имеет власти над природой. Поэтому Бог не может быть познан никакой тварью. Если же Он должен быть познан, то только в свете, который выше природы.

Мудрецы спрашивают: отчего так происходит, что Бог, поднимая душу превыше ее самой и превыше всякой твари и возвращая ее к Себе, не поднимает ввысь и тело, чтобы оно не нуждалось ни в чем земном?

Один учитель, кажется св. Августин, отвечает на это, говоря: «Когда душа достигает соединения с Богом, только тогда впервые тело обретает то совершенство, при котором оно может наслаждаться всеми вещами во славу Божию. Ибо ради человека проистекли все создания, и то, чем разумно может наслаждаться тело, не есть падение для души, но возвышение ее достоинства. Ибо тварь не может найти более благородного пути, чтобы вернуться к своему

источнику, чем верного человека, который позволяет своей душе на миг поднять его до воссоединения с Богом».

Ибо нет тогда преграды между Богом и душою; и поскольку душа следует за Богом в пустыню Божества, постольку тело следует за возлюбленным Христом в пустыню добровольной бедности; и как душа соединена с Божеством, так соединено тело с действием истинной добродетели во Христе. И Отец небесный может сказать: «Это Сын Мой возлюбленный, в котором к Себе Мое благоволение», ибо Бог не только в душе родил Своего Единородного Сына, но и душу саму родил Своему Единородному Сыну.

Воистину из самой глубины сердца! Какое страдание может быть для тебя слишком горьким и жестоким, человек, если ты видишь, что Тот, который был в образе Бога, в свете Своей вечности, в сиянии святых и который был рожден прежде луча и всякого естества Божия, приходит в тюрьму и в тиски твоей загрязненной природы, которая настолько нечиста, что все вещи, какими бы чистыми они ни приближались к ней, становятся в ней нечистыми и зловонными, – и все же Он захотел ради тебя погрузиться в нее?

Существует ли что-нибудь, что не сладко было бы тебе претерпеть, если ты перечтешь все горести твоего Господа и Бога и вспомнишь все горе и позор, упавшие на Него?

Какой позор и поругание терпел Он от князей, и рыцарей, и злых рабов, и от тех, что проходили взад и вперед по дороге перед крестом?

Поистине сколь велико Его великое, невинное милосердие и Его подлинная любовь, которая нигде не являлась мне с такой совершенной подлинностью, как здесь, где сила любви вырвалась из Его сердца!

Поэтому создай себе узел из всяческих страданий твоего Господа и Бога, и пусть он пребудет всегда между грудей твоих. Взгляни на Его добродетели и рассмотри их. Как усердно думал Он о твоём спасении во всех Своих делах!

Смотри, чтобы той же платой заплатить Ему за Его постыдную, позорную смерть и страдальческую природу, которой Он мучился безвинно за твою вину, словно бы то была Его собственная вина, как Он Сам и говорит в Пророках о Своем страдании: «Смотрите, это претерпеваю Я ради Моей вины». О плоде же своих дел говорит Он так: «Смотрите, этим богатством должны вы обладать в награду за дела ваши» – и называет наши грехи Своими грехами, а Свои дела нашими делами, ибо Он исправил наши грехи, как будто бы Он Сам их совершил, и мы имеем награду за Его дела, как будто бы мы их сделали.

И это должно сделать ничтожной нашу тяготу, ибо добрый рыцарь не жалуется на свои раны, когда он созерцает короля, который ранен вместе с ним. Господь предлагает нам напиток, который сперва испил Сам.

Он не посылает нам ничего такого, чего бы Сам прежде не сделал или не выстрадал. Поэтому мы должны питать большую любовь к страданию, ибо Бог ничего иного и не делал, пока был на земле, лишь страдал! Дай Бог, чтобы мы преобразили и потеряли нашу человеческую природу и все наши слабости в Божественной Природе, – да так, чтобы нельзя было в нас найти ничего, кроме чистого Бога! Аминь.

О единстве вещей

Подобные вещи любят друг друга и соединяются, несхожие избегают друг друга и ненавидят.

Нет ничего более несхожего, говорит один учитель, чем небо и земля. Почувствовала земля в глубине своего естества, что она чужда небу и несхожа с ним. Потому бежала она от неба в места низайшие и лежит там неподвижно и тихо, чтобы не приблизиться к нему. И узнало небо в глубочайшем естестве своем, что земля удалилась от него и заняла низайшие места. Поэтому оно неудержимо изливается плодородием своим в земное царство; и мудрецы желали бы, чтобы широкое и далекое небо не оставляло для себя ничего, ни даже кусочка, равного острию иглы. Ибо небо, пробуждая плодородие в царстве земли, всецело возрождает себя.

То же самое скажу я и о человеке, который стал «ничем» перед собой, перед Богом и перед всеми творениями; он занял низайшие места, и в него должен всецело излиться Бог, – или Бог не Бог!

Клянусь вечной правдой Господа: Бог должен излиться всей Своей силою в каждого человека, дошедшего до глубин. Излиться всецело, так чтобы ни в жизни Своей, ни в сущности Своей, ни в естестве Своем, ни даже в самой Божественности Своей не сохранить для Себя ничего; но, принося щедрый плод, всецело излиться в человека, отдавшегося Богу и избравшего низайшие места.

Когда я сегодня шел сюда, то думал, как бы сделать мне проповедь понятной для вас, – и придумал пример: тот, кто сможет понять его, постигнет подлинный смысл и сущность всего моего учения.

Пример этот касается моего глаза и дерева. Открываю ли, закрываю ли я его – он все тот же глаз. И у дерева ничего не отнимается и ничто не прибавляется, когда на него смотрят. Слушайте: предположим, что мой глаз покоится в себе как нечто единое, пребывающее само в себе, и только в момент зрения открывается и устремляется на дерево. И дерево и глаз остаются тем, чем они были, однако в деятельности зрения они становятся одним и тем же до такой степени, что можно было бы сказать: глаз есть дерево, а дерево – глаз. Если бы дерево было полностью лишено вещества и представляло собой нечто чисто духовное, подобно деятельности зрения моего глаза, можно было бы с полным правом утверждать, что в деятельности зрения дерево и мой глаз стали одним существом.

И если это верно относительно мира вещественного, то насколько же более верно относительно духовного мира. Вам следует принять во внимание, что между моим глазом и глазом барана, находящегося по ту сторону моря, барана, которого я никогда не видел, гораздо больше общего, чем между моим глазом и моим ухом, хотя эти последние принадлежат одному и тому же существу. Происходит это потому, что глаз барана и мой глаз имеют одну и ту же задачу. Вот почему я и приписываю им большую степень единства – а именно единство действия, – чем глазу и уху, которые в своей деятельности не имеют ничего общего.

Я говорил не раз также о свете души, несотворенном и несотворимом. Я всегда стараюсь коснуться этого света в проповеди. Ибо он воспринимает Бога непосредственно, без всяких покровов, таким, каков есть Он Сам в Себе. Этот свет воспринимает Его в действии внутреннего богорождения!

И я могу утверждать поистине, что этот свет имеет больше единства с Богом, чем с какой-либо из сил души, хотя с последними он – по своей принадлежности к одному и тому же существу – все-таки является одним. Ибо несомненно, что в недрах моей души, взятой как одно существо, свет этот не занимает более высокого места, чем всякая другая чувственная способ-

ность: слух, или зрение, или иная сила, способная страдать от голода, жажды, холода и зноя. Это происходит потому, что существо есть нечто простое и цельное.

Поэтому если рассматривать силы души в одном существе, то они равны и все стоят одинаково высоко; если же рассматривать их действия, то одна гораздо благороднее и выше другой. Вот почему я и говорю: пусть человек отвернется от себя самого и от всего сотворенного. Насколько тебе удастся это, настолько достигнешь ты единства и блаженства в той искре души, которой никогда не касалось ни время, ни пространство. Эта искра сопротивляется всем творениям и хочет только Бога, чистого, каков Он есть Сам в Себе. Она не удовлетворится ни Отцом, ни Сыном, ни Святым Духом, ни всеми Тремя Лицами, покуда каждое пребывает в Своем существе. Да! Я утверждаю: мало этому свету даже того, чтобы Божественная Природа, творческая и плодородная, рождалась в нем.

И вот что кажется еще более удивительным: я утверждаю, что свет этот не довольствуется и простой, в покое пребывающей Божественной Сущностью, которая не дарует ничего и не принимает даров: он хочет знать, откуда эта Сущность, он хочет в самую глубину, единую, в тихую пустыню, куда никогда не проникало ничего обособленного, ни Отец, ни Сын, ни Дух Святой; в глубине глубин, где всякий был бы чужаком, – лишь там доволен этот свет, и там он больше у себя, чем в себе самом.

Ибо глубина эта – одна безраздельная тишина, которая неподвижно покоится в себе самой. И этим покоем движимы все вещи.

От нее получают свою жизнь все живущие, живые разумом, погруженные в себя. Да поможет нам Бог, чтобы жили мы в этом смысле разумно! Аминь.

О девственной женщине

Intravit Iesus in quoddam castellum et mulier quaedam excepit illum.

Я произнес сейчас по-латыни слова, которые написаны в Евангелии и в переводе значат: Иисус пришел в одно селение и был принят женщиной – то есть девою, которой была женщина. Обратите внимание на эти слова: «был принят женщиной». Поистине она должна была быть девою – та, что приняла Христа. Ибо под девственностью мы понимаем то состояние, когда человек свободен от всякого чуждого ему образа, свободен так же, как и тогда, когда его не было.

Тут же, естественно, напрашивается возражение: как человек, который родился и достиг разумной жизни, может быть свободным от всяких восприятий в той же мере, как и тогда, когда его еще не было? Ведь он уже знает столь многое, а всяческое знание есть отображение вещей? Как он может быть свободным от них? Я укажу вам, в чем здесь дело!

Если бы мой разум был настолько всеобъемлющ, что все образы, которые когда-либо воспринимали люди, и даже те образы, которые существуют только в Самом Боге, находились бы во мне, но не так, однако, чтобы я считал их своей собственностью, а так, чтобы и в действии и покое я не прилеплялся бы ни к одному из них – ни к его «до», ни к его «после», – но в любое мгновение настоящего был бы свободен, готовый отдаться воле Бога и безусловно исполнить все, чего Он больше всего желает, – воистину тогда все множество образов было бы для меня не более важно, чем тогда, когда меня еще не было, и моя душа была бы девственной.

И я утверждаю, что эта девственность не отняла бы у человека ничего из поступков, которые были совершены им раньше. Но вот, не обремененный ими, стоит он, свободный в своей девственной чистоте. И только так впервые человек являет полное осуществление самого себя – свободный в неприкосновенности своей подобно Иисусу.

И так как учителя говорят, что лишь подобное может слиться воедино, душа, которая хочет вместить целомудренного Христа, должна хранить девственное целомудрие.

Но обратите внимание и хорошенько отметьте про себя следующее! Ведь если бы кто-нибудь остался навсегда девою, то мы никогда не дождались бы от него плода; если же должен он родить, ему нужно стать «женщиной».

«Женщина» – вот самое благородное имя, которое можно дать душе, и оно гораздо благороднее, чем «дева». Хорошо, когда человек принимает в себя Бога, ибо в этом проявляется его девственность. Но еще лучше, когда Бог становится в нем плодоносным. Ибо принести плод – значит воистину отблагодарить за дар; и когда душа в ответной благодарности рождает в Отчем сердце Бога Иисуса – это дело женщины.

Много добрых даров принимает девственное лоно, но не становятся они плодородием женщины, не возвращаются истинной благодарностью Богу. Дары погибают и уничтожаются, и человек не приобретает от этого ни блаженства, ни богатства. Ибо ни к чему душе ее девственность, если при этом она не женщина – женщина со всей своей женской плодovitостью. Вот в чем вред. Поэтому я и говорю: Иисус был принят девою, которая была женщиной.

Редко брак приносит людям более одного плода в год. Но я имею здесь в виду людей, состоящих в ином браке, – тех, что связали себя молитвой, постом, бдением и другим послушанием и самобичеванием. Сейчас я называю «годом брака» всякую привязанность к какому-нибудь делу, – если она отнимает у тебя свободу ожидать Бога и следовать только за Ним каждое мгновение, быть Им просвещенным в том, что тебе делать и чего не делать, если мешает быть новым и свободным каждую минуту, как будто бы ты и не имел, не желал и не знал ничего другого; «годом брака» я называю всякую связь и поставленную самому себе цель, которая отнимает у тебя свободу. Ибо душа твоя не принесет плода, прежде чем ты не совершишь дела, которому с трепетом отдаешься, и ты не найдешь спокойствия ни в Боге, ни в себе, пока не

осуществишь этого дела. Иначе нет тебе мира и не принесешь ты плода целый год. Но и через год этот плод не будет значительным, ибо рожден он из души связанной, прикованной к делу, а не из свободной!

Так бывает с теми, кого я называю «женатыми людьми», с теми, кто связал себя по своей собственной воле. Напротив, «дева, которая является женщиной», свободная, никаким произволом не связанная душа ежечасно так же близка Богу, как близка себе самой, и приносит много плодов, и плодов значительных: она рождает Самого Бога – не более и не менее.

Благодаря этому плоду, благодаря его рождению девственная женщина становится родительницей! Сто, тысячу раз на дню, и даже бесчисленное число раз, она рождает и приносит плод из благороднейших глубин! И чтобы сказать еще точнее – из той самой глубины, где Отец рождает Свое вечное Слово. Там же и она становится плодоносной сородительницей.

Ибо Иисус, который есть свет и явление Отчего сердца (и мощно просветляет Он Отчее сердце!), – сей Иисус стал единым с ней, и она с Ним: она сияет и светит с Ним, как лучистое, ясное сияние в божественном сердце Отца.

Я уже сказал: в душе есть сила, которая не касается плоти и времени; она истекает из духа, в духе пребывает и вся есть дух. В ней зеленеет и цветет Бог в полной славе и радости, которую вкушает Сам в Себе. Там радость так сердечна, так велика, что не может быть постигнута умом, не может быть выражена словами.

Ибо в этой силе вечный Отец непрерывно рождает Своего вечного Сына, и душа сорождает Сына Отцу и рождает себя самое, как этого Сына, в нераздельной силе Отца.

Представь, что некто обладал целым королевством или всеми сокровищами на земле и с легким сердцем оставил все это ради Бога и стал беднейшим из людей, которые когда-либо жили на земле, и Бог определил ему выстрадать столько, сколько не давал никогда никому, и он терпеливо переносил это до самой смерти. Так вот, если бы Бог хоть на одно мгновение открылся ему таким, каков Он в той силе, – то радость того человека была бы так безмерна, что все страдания и лишения показались бы ему ничтожными. Даже если бы Бог затем не даровал ему больше ни капельки Царствия Небесного, с него было бы довольно этой радости!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.